

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

КАРЬЕРА РУГОНОВ



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
З-81

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Перевод с французского *Е. Александровой*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
Ж.Ф.Ж. Свебаха «Сентябрьские массовые убийства».*

Золя, Эмиль.

З-81 Карьера Ругонов : [роман] / Эмиль Золя ;
[перевод с французского Е. Александровой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2024. — 448 с. —
(Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-162653-2

«Карьера Ругонов» — первый роман эпической многотомной саги «Ругон-Маккары», служащий своеобразным прологом к следующим книгам цикла.

Плассан, маленький городок на юге Франции, декабрь 1851 года. Общество расколото — демократически избранный президент страны, племянник самого Бонапарта, устроил государственный переворот и объявил себя новым императором. По всей стране возникают революционные ячейки, стремящиеся отстоять республику. Восстание докатывается до Плассана и затягивает в себя Пьера Ругона и его сводного брата, Антуана Маккара.

Безудержно мечтающий обогатиться, Пьер Ругон всецело поддерживает восстановление монархии. Ненавидящий Пьера Антуан присоединяется к повстанцам. Но революционеры не подозревают, что в стремлении к власти и богатству Антуан ничуть не уступает брату. И ради желаемого Маккар готов на все, даже на временный союз с самым ненавистным человеком на свете...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-162653-2

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Предисловие

Я хочу показать небольшую группу людей, ее поведение в обществе, показать, каким образом, разрастаясь, она дает жизнь десяти, двадцати существам, на первый взгляд глубоко различным, но, как свидетельствует анализ, близко связанным между собой. Наследственность, подобно силе тяготения, имеет свои законы.

Для разрешения двойного вопроса, о темпераментах и среде, я попытаюсь отыскать и проследить нить, математически ведущую от человека к человеку. И когда я соберу все нити, когда в моих руках окажется целая общественная группа, я покажу ее в действии, как участника исторической эпохи, я создам ту обстановку, в которой выявится сложность взаимоотношений, я проанализирую одновременно и волю каждого из ее членов и общий напор целого.

Ругон-Маккары, та группа, та семья, которую я собираюсь изучать, характеризуется безудержностью вожделений, мощным стремлением нашего века, рвущегося к наслаждениям. В физиологическом отношении они представляют собой медленное чередование нервного расстройства и болезней крови, проявляющихся из рода в род, как следствие первич-

ного органического повреждения; они определяют, в зависимости от окружающей среды, чувства, желания и страсти каждой отдельной личности — все естественные и инстинктивные проявления человеческой природы, следствия которых носят условные названия добродетелей и пороков. Исторически эти лица выходят из народа, они рассеиваются по всему современному обществу, добиваются любых должностей в силу того глубоко современного импульса, какой получают низшие классы, пробивающиеся сквозь социальную толщу. Своими личными драмами они повествуют о Второй империи, начиная от западни государственного переворота и заканчивая седанским предательством.

В течение трех лет я собирал материалы для моего большого труда, и этот том был уже написан, когда падение Бонапарта, которое нужно было мне как художнику и которое неизбежно должно было по моему замыслу завершить драму, — на близость его я не смел надеяться, — дало мне жестокую и необходимую развязку. Итак, мой труд закончен, он движется в замкнутом кругу; он превращается в картину умершего царствования, необычайной эпохи безумия и позора.

Этот труд, включающий много эпизодов, является в моем представлении естественной и социальной историей одной семьи в эпоху Второй империи. И первый из эпизодов, «Карьера Ругонов», имеет научное название «Происхождение».

Эмиль Золя
Париж, 1 июля 1871 года.

I

Если выйти из Плассана через Римские ворота, расположенные у южной заставы, то вправо от дороги в Ниццу, за первыми домами предместья, окажется незастроенный участок, известный в этой местности под названием пустыря св. Митра.

Пустырь св. Митра тянется довольно большим прямоугольником вдоль дороги и отделен от нее только полоской вытоптанной травы. Справа проходит небольшая улица, с ветхими домишками, которая кончается тупиком; слева и в дальнем конце пустырь огорожен мшистой каменной стеной, а над нею поднимаются ветви тутовых деревьев большой усадьбы Жа-Мейфрен, ворота которой находятся дальше в предместье. Пустырь, замкнутый с трех сторон, представляет собой нечто вроде площади, но она никуда не ведет и по ней проходят только для прогулки.

В давние времена здесь было кладбище св. Митра, провансальского святого, весьма чтимого в здешних краях. Еще в 1851 году старожилы Плассана вспоминали о стенах старого кладбища, заброшенного много лет тому назад. Земля, более века поглощавшая трупы, пресытилась смертью, и пришлось открыть новое

место погребения, на другом конце города. А старое кладбище с каждой весной очищалось, покрываясь темной, густой растительностью. Жирная земля, из которой заступ могильщика при каждом ударе извлекал человеческие останки, оказалась невиданно плодородной. После майских дождей и июньского зноя травы разрастались буйно, с дороги виднелись над стеною верхушки кустов, а внутри расстиралось темно-зеленое море, глубокое, усеянное большими, необычайно яркими цветами. Чувствовалось, что внизу, во мраке, под сплетением стеблей в сыром черноземе бурлят, поднимаются соки.

В те времена достопримечательностью кладбища были грушевые деревья с узловатыми, искривленными сучьями; они приносили огромные плоды, на которые не позарилась бы, однако, ни одна плассанская хозяйка. Горожане говорили о кладбищенских грушах с гримасой отвращения; но мальчишки предместья, не отличавшиеся брезгливостью, в сумерки ватагами взбирались на стены и рвали груши, не давая им даже созреть.

Кипучая жизненная сила трав и деревьев быстро переборола смерть, царившую на старом кладбище. Цветы и плоды жадно поглощали человеческий прах, и настало, наконец, время, когда до людей, проходивших мимо этой клоаки, доносился только терпкий аромат диких левкоев. Для этого понадобилось всего несколько весен.

Тут город начал подумывать о том, как извлечь пользу из коммунального достояния, пропадающего без толку. Снесли каменную стену вдоль улицы и ту-

пика, выволокли траву, срубили грушевые деревья. А потом перенесли кладбище. Почву вскопали на несколько метров вглубь и свалили в угол кости, отданные землей. Мальчишки оплакивали гибель грушевых деревьев, но зато целый месяц катали черепа как шары, а раз ночью досужие шутники привязали человеческие кости ко всем дверным звонкам в городе. Безобразные выходки, о которых Плассан не забыл и поныне, прекратились, когда, наконец, решили захоронить кости в яме, вырытой на новом кладбище. Но в провинции работы производятся с мудрой медлительностью, и жители Плассана в течение целой недели наблюдали, как по улицам проезжает одна-единственная телега, перевоза человеческие останки навалом, точно строительный мусор. Хуже всего было то, что с телеги, которая тащилась через весь город и тряслась по ухабам, при каждом толчке сыпались кости и комья жирной земли. Останки перевозили неторопливо, с грубым равнодушием; и помину не было о религиозной церемонии. Никогда еще город не испытывал такого омерзения.

Прошло много лет, но бывшее кладбище св. Митра по-прежнему внушало ужас. Пустырь у проезжей дороги, открытый всем и каждому, все еще не был заселен, и скоро им снова завладели сорные травы. Город рассчитывал продать его под застройку, но покупателей не находилось. Возможно, что их отпугивало воспоминание о груде костей и о той одинокой телеге, которая тащилась взад и вперед по улицам, навязчиво, как дурной сон. Вернее же, причину следовало искать в обычной провинциальной лени

и косности; провинция боится и разрушения и со-
зидания. Так или иначе, город оставил участок за
собой и, в конце концов, забыл о том, что хотел его
продать. Пустырь даже не обнесли забором — вхо-
ди, кто хочет. И вот с годами к заброшенному месту
стали привыкать; люди отдыхали на траве у края пу-
стыря, проходили через него, обжили его. Ноги про-
хожих вытоптали травяной ковер, земля стала серой
и твердой, и бывшее кладбище начало походит на
плохо утрамбованную площадь. А чтобы окончатель-
но изгнать из памяти обывателей неприятное вос-
поминание, их незаметно, исподволь, подготовили
к перемене названия: сохранили только имя святого,
присвоив его также и тупику в углу пустыря; так воз-
никли площадь св. Митра и тупик св. Митра.

Все это было давно. Вот уже тридцать лет как пло-
щадь св. Митра сохраняет свой особый облик. Без-
деятельный и сонный город не использовал пустырь
и сдал его за ничтожную плату каретникам предме-
стья, которые устроили там склад лесных материалов.
Еще и в наши дни площадь загромождена огромны-
ми десяти-пятнадцатиметровыми балками, похожи-
ми на высокие рухнувшие колонны. По всему полю,
из конца в конец, тянутся груды балок, разбросанных
на земле; это излюбленное место ребятишек. Кое-где
бревна скатились и покрывают землю как выпуклый
настил, по которому можно пройти только с ловко-
стью акробата. Гурьба мальчишек с утра до вечера
предается этому упражнению. Они перепрыгивают
через широкие доски, гуськом проходят по узкому
ребру балок, катаются на них верхом, придумыва-

ют разные игры, которые обычно кончаются дракой и слезами; или усаживаются рядом на конце бревна, торчащего над землей, и качаются часами. Пустырь св. Митра стал местом забав, где вот уже четверть века протирают штанишки все шалуны предместья.

Большую живописность этому участку придавали кочующие цыгане, по традиции избиравшие его своим пристанищем. Только появится в Плассане дом на колесах, в котором помещается целое цыганское племя, смотришь, — он уже расположился в конце площади св. Митра. Площадь никогда не пустует: по ней вечно бродит подозрительный люд — свирепые с виду мужчины, безобразные высохшие женщины, а между ними на земле барахтаются очаровательные цыганята. Народ этот живет на вольном воздухе, не зная стеснения, на глазах у всех варит пищу, ест что-то непонятное, развешивает свои отрепья, спит, дерется, обнимается, и от него исходит зловоние грязи и нищеты.

На мертвом пустынном поле, где в былое время одни шмели жужжали вокруг пышных цветов, нарушая жаркую, душную тишину, стоит шум: кричат и ссорятся цыгане, визжат дети. Пронзительным голосам вторит глухой бас лесопильни, где со скрипом распиливают бревна. Лесопильня весьма примитивна: бревно кладут на высокие козлы, один пильщик становится вверху, на самом бревне, другой стоит внизу, — опилки сыплются ему прямо в глаза, — и оба равномерным движением толкают взад и вперед длинную крепкую пилу. Так долгими часами они наклоняются и выпрямляются, точно кар-

тонные паяцы, однообразно и четко, как машины. Напиленный лес складывают вдоль стены в конце площади, штабелями по два-три метра вышиной, аккуратно, доска к доске, правильными кубами. Груды досок, похожие на квадратные скирды, простаивают здесь не одно лето и обрастают у подножья травой; в них одно из очарований площади св. Митра. Между штабелями вьются таинственные узкие и укромные тропинки, которые ведут в широкий проход, оставленный между грудями досок и стеной, в уединенную зеленую просеку, откуда видна только полоса неба. В этой аллее, где стены выстланы мхом, а нога ступает как по пушистому ковру, еще царят буйные травы и трепетное молчание старого кладбища. Теплые, неуловимые дуновения смертной истомы поднимаются из старых могил, прогретых жарким солнцем. В окрестностях Плассана нет участка более волнующего, более насыщенного теплом, одиночеством и любовью. Вот где, должно быть, чудесно любить! Когда разрушали старое кладбище, то, наверное, именно в этом углу свалили кости; даже и сейчас порой наступаешь в сырой траве на осколок черепа.

Впрочем, никто уже не вспоминает о мертвецах, некогда покоившихся под этими травами. Днем лишь дети, играя в прятки, забегают за груды досок. Зеленая аллея лежит нетронутая, забытая. Прохожие видят только лесной склад, заваленный досками и серый от пыли. Утром и к вечеру, когда спадает зной, площадь кишит людьми, и над суетливой толпой, над детьми, играющими на бревнах, над цыганами, раздувающими огонь под котелками, вырисо-

вывається в небе четкий силует пильщика на бревне; он раскачивается взад и вперед, размеренно, словно маятник, и будто управляет всей этой новой, жадной жизнью, возродившейся на старом поле вечного покоя. И только старики, сидя на досках и греясь в лучах заходящего солнца, порой еще толкуют о костях, которые некогда перевозила по улицам Плассана легендарная двуколка.

К ночи площадь пустеет и зияет как огромная черная яма; лишь где-то в глубине чуть светятся догорающие цыганские костры. Порою в густом мраке бесшумно мелькают чьи-то тени. Особенно жутко здесь в зимнее время.

Однажды в воскресенье, в начале декабря 1851 года, часов в семь вечера, из тупика св. Митра тихо вышел молодой человек и стал пробираться между досками склада, крадучись вдоль стены. Полная луна лила яркий белый свет, какой бывает только зимою. В ту ночь все было безмолвно, все застыло от холода, но площадь уже не так зловеще чернела, как в ненастные ночи; она простиралась, залитая потоком лунного света, в неизъяснимой, тихой печали.

Юноша остановился на краю поля, настороженно глядя вперед. Он скрывал под курткой приклад длинного ружья; ствол, опущенный к земле, поблескивал в лунном свете. Прижимая оружие к груди, он пристально вглядывался в прямоугольные тени, падавшие от штабелей в глубине склада. На земле, точно на шахматной доске, чередовались резко очерченные белые и черные квадраты света и тени. Посреди площади, на сером, голом грунте, выри-

совывались козлы пильщиков, длинные, узкие, нескладные, похожие на чудовищную геометрическую фигуру, начерченную тушью. Казалось, что бревенчатый настил — широкое ложе, на котором дремлют лунные блики, чуть тронутые узкими черными тенями, скользящими вдоль досок. В сиянии зимней луны, в ледяном покое, балки, лежащие на земле, неподвижные, будто скованные холодом и сном, напоминали о мертвецах старого кладбища. Молодой человек окинул это пустынное место беглым взглядом: ни души, ни звука, — нечего бояться, что кто-нибудь увидит или услышит. Но темные пятна в глубине смущали его. Все же, после короткого осмотра, он решительно и быстро пересек поле.

Очутившись под прикрытием, он пошел медленнее. В зеленом проходе между досками и стеной не слышно было даже звука шагов, чуть потрескивала под ногами замерзшая трава. У него сразу стало легко на душе: должно быть, он любил это место, где ничто не грозило ему, где его ждало только хорошее и приятное. Он уже не прятал ружья. Аллея лежала перед ним как темная просека; лунный луч скользил между досками, и полоса света прорезала траву. Все спало, и тени и лунные блики, глубоким, сладким и печальным сном. Каким покоем веяло от тропинки! Молодой человек прошел по ней до конца. В том месте, где стены Жа-Мейфрена образуют угол, он остановился, прислушался, не донесется ли какой-нибудь звук с соседнего участка. Ничего не услышав, он нагнулся, раздвинул доски и спрятал между ними ружье.

Здесь в углу была древняя надгробная плита, забытая при перенесении старого кладбища и поставленная ребром, немного наискось, как высокая скамейка. Дожди источили ее края, мох медленно разъедал ее, но при свете луны можно было разобрать остатки надписи, высеченной на лицевой стороне плиты, врезавшейся в землю: «Здесь покоится... Мария... усопшая...» Остальное стерло время.

Спрятав ружье, молодой человек прислушался еще раз. Но ничего не услышав, взобрался на камень. Стена была низенькая; он облокотился на нее. За рядами тутовых деревьев, посаженных вдоль стены, видна была только равнина, залитая светом; поля Жа-Мейфрена, ровные, без единого деревца, расстились в лунном сиянии как огромные полотнища сурового холста. Шагах в ста от стены яркими белыми пятнами выделялись жилой дом и службы. Юноша пристально вглядывался в ту сторону, как вдруг часы на городской башне медленно, торжественно пробили семь раз. Он сосчитал удары и спрыгнул с камня, удивленный и успокоенный. Затем сел на камень, видимо приготовившись к долгому ожиданию, и как будто даже не чувствовал холода. Более получаса просидел он в глубоком раздумье, не двигаясь, устремив глаза в темноту. Уголок, который он облюбовал, был сначала в тени, но луна поднималась все выше, и, наконец, голова юноши оказалась на свету.

Он был молод, крепок. Тонко очерченный рот и нежная кожа говорили о юности. Ему, вероятно, было лет семнадцать. Он был хорош своеобразной, характерной красотой.

Худощавое, продолговатое лицо, казалось, было вылеплено пальцами могучего скульптора. Крутой лоб, нависшие брови, орлиный нос, резкий широкий подбородок, выдающиеся скулы придавали лицу особую рельефность. С годами оно, вероятно, стало бы костлявым, приобрело бы сухость, свойственную облику странствующего рыцаря, но сейчас, в пору возмужалости, некоторая жесткость лица с легким пушком на щеках и подбородке скрашивалась какой-то очаровательной нежностью, детской незавершенностью отдельных линий. Теплые черные глаза, глаза отрока, тоже смягчали энергичное выражение лица. Юноша понравился бы не всем женщинам; он был далек от того, что принято называть красавцем, но черты его дышали такой полнотой жизни, такой привлекательностью, были одухотворены такой восторженностью и решимостью, что, наверное, девушки этого края, смуглые девушки юга, заглядывались на него, когда он в жаркие июльские вечера проходил мимо их калиток.

Юноша все еще сидел, задумавшись, на надгробной плите, не чувствуя, как лунный свет струится у него по груди и коленям. Он был среднего роста, коренаст, с крепкими руками, руками мастерового, уже успевшими огрубеть от работы; ноги, обутые в тяжелые шнурованные башмаки, тоже были крепкие, с широкими ступнями. Широкая кость, форма рук и ног, неуклюжесть манер изобличали в нем простолюдина; но в гордой посадке головы, в блеске умных глаз чувствовался глухой протест против отупляющей черной работы, которая пригибала его

к земле. Под тяжеловесностью, присущей его породе, его классу, угадывался природный ум, тонкая, нежная душа, придавленная, страдающая от того, что не может, сияя, вознестись над своей грубой оболочкой. И поэтому, несмотря на всю свою силу, он был робок и неуверен. Он бессознательно стыдился своего несовершенства и того, что не знает, как достичь совершенства. Это был славный малый; его невежественность претворилась в энтузиазм; мужественное сердце юноши, управляемое разумом, было способно и на беззаветную преданность и на героический подвиг. В тот вечер он был одет в вельветовые брюки и куртку зеленоватого оттенка. Мягкая фетровая шляпа, сдвинутая на затылок, отбрасывала на лоб полосу тени.

Когда башенные часы пробили половину, он вдруг очнулся от раздумья и, заметив, что весь залит лунным светом, тревожно оглянулся. Быстро откинулся в темный угол и потерял нить своих мыслей. Тут он почувствовал, что руки и ноги у него заоченели, и его охватило нетерпение. Еще раз он влез на камень и заглянул через стену в Жа-Мейфрен, но там было по-прежнему пусто и тихо. Не зная, как убить время, он спрыгнул с камня, вынул ружье из груды досок и начал, забавляясь, поднимать и спускать курок. Это был длинный, тяжелый карабин, несомненно принадлежавший раньше какому-нибудь контрабандисту; по толщине приклада и массивности ложа можно было узнать старое кремневое ружье, переделанное местным оружейником. Такие карабины еще встречаются в деревнях, где их вешают над очагом. Молодой человек любовно поглаживал